

М.Р. АРПЕНТЬЕВА
(Россия)

**Ксенологический подход в психолингвистике и литературоведении:
метаязыки взаимопонимания**

Проблема Чужого и Чуждости – одна из наиболее интенсивно обсуждаемых проблем гуманитарной и, в частности, психолингвистической и литературоведческой мысли конца XX – начала XXI века. Попытки концептуального описания дискурсов Чуждости, создания некой непротиворечивой и универсальной модели Чужого в его взаимоотношениях с Собственным, их взаимопонимания предпринимаются практически во всех областях гуманитарного знания от прикладной социологии до философской антропологии. «Аллология», «ксенология», или наука о Другом или о Чужом представлена множеством отраслей, различные аспекты генезиса «образов Чужого», их деконструкции и преодоления – темы многочисленных современных европейских и международных исследований в рамках научной и экуменической ориентаций.

Анализ ксенологических исследований позволяет выявить некоторые аспекты проблемы «Я – Другой» в психолингвистике и литературоведении, а именно: важность «Другого» для бытия индивида, читателя для автора, невозможность неучета его полновесной равноценной позиции по отношению к «Я», создаваемому автором тексту, сложность их взаимоотношений и взаимовлияний, негарантированность их взаимопонимания, диалогичность со-бытия и чтения как события со-бытия, трансдикурсивность текстов и отношений автора и читателя. Любая моносубъектная концепция формирования и развития социального субъекта, его отношений с миром, прочтения им себя и мира – в том числе, развития той или иной общности, понимания текста и взаимопонимания – с автором текста, неизбежно оказывается «Я» – центрической. Альтернативным методом изучения системы «Я – Другой» и является восстановление в теории литературоведения всего спектра отношений и взаимодействий в системе «автор – текст-читатель – сообщество». Интерсубъектный подход, в отличие от интрасубъектного, традиционного, берет в качестве единицы анализа не индивида, отдельного социального субъекта, его тексты а его связь с другими, усматривая в этой связи не внешнее, Чужое, по отношению к его жизнедеятельности и авторству, создаваемым им текстам, а ее внутреннюю – Собственную – смысловую ткань. Таким образом, изучается диалог человека и мира, автора и читателя, пространство взаимодействий между людьми и текстами, по отношению к которому факты «индивидуального» и «социо-типического» оказываются подчиненными, производными (Бубер 1995; Ванденфельс 1994; Дридзе 1984; Моль 1984; Ортега-и-Гассет 1997; Ясперс 1991).

Особую роль для разработки проблемы «Другого» играет освоение творческого наследия М.М.Бахтина и А.А.Ухтомского. А.А.Ухтомский вводит и раскрыва-

ет понятие «доминанта на Собеседнике», читателе или – авторе, смысл доминанты на другом – попытка глубокого проникновения во внутренний мир другого человека, стремление понять его ценностно-смысловую позицию, отстроившись от собственных установок, стереотипов и ожиданий. «Другой» для А. Ухтомского – это живое конкретное человеческое лицо, «которое никогда не может быть средством для меня, но всегда должно быть моей целью», и когда происходит это понимание, «сам человек впервые приобретает то, что можно в нем назвать лицом». Таким образом, становление личности, «ее пробуждение» неразрывно связано с переключением себя и своей деятельности на других. по его мнению в поиске метода познания человека и прочтения текста (созданного этим человеком): «нам надо из самоудовлетворенных в своей логике теорий о человеке выйти к самому человеку во всей его живой конкретности и реальности, поставив доминанту на живое лицо...». В данном подходе выявляется «перенос «центра тяготения с Себя на Другого, открытии бытия, существующего «помимо Себя». Это не столько «преобразование» жизненного мира личности, сколько усмотрение реальности, организующей мир вне зависимости от «Я» (Ухтомский 1994; Ухтомский 2002).

У М.М.Бахтина отмечается равноправие позиций «Я» и «Другого». «Другой» имеет возможность осуществлять функции, принципиально недоступные «Я» – в силу изначальной социальности бытия психического. «Другой» вследствие своей позиции «внеаходимости» обладает «избытком видения» – «...уникальной возможности непосредственного восприятия целостной формы «Я», отсутствующей у самого «Я» и всегда имеющейся у Другого» (Бахтин 1979).

В работах А.У. Хараша диалог автора и читателя, читателя и текста, а также – автора и текста – понимается как предметно-сфокусированное общение (Хараш 2015). Понятия диалога, предметно-смысловой фокусировки и другие включены в более широкий контекст интересубъектного подхода, основывающегося на принципе единства общения и деятельности, понимания отношений «субъект-объект» и «субъект-субъект» как двух сторон человеческого бытия, что является ключевой задачей утверждения его в качестве самостоятельной методологической предпосылки гуманитарного исследования. Основную формулу интересубъектного подхода можно представить как трансформацию формулы «субъект-субъект» в формулу «субъект-объект-субъект». Оба субъекта сохраняют свою субъектность благодаря «предметному» медиатору». Сфокусированность личностных смыслов вокруг этого «медиатора», единого предметного поля, обозначаемая как предметная (проблемно-смысловая) фокусировка, и есть, собственно, диалогическое ядро общения.

В интересубъектном подходе «Я» раздвигает собственные границы благодаря Другому и за счет его. Другое – раздвигает свои границы за счет «Я», благодаря ему. Более того, в знании «Я» о Своем нет ничего, что поначалу не было бы Чужим. Даже понятия и способы обращения с ними возникают в общении с Другим – перенимаются или конструируются – существуя как данность уже созданная Другим прежде, или возникая в результате реализации потребности общения Своего с Другим.

Наличие Другого дает первичное двойственное деление мира на пространство и время Своего – доступного и находящегося во владении и пространство и время Чужого – недоступного и не находящегося во владении. При этом попытки привести Чужое к высказыванию собственного смысла способны уничтожить Чужое как Чужое. Поэтому абсолютно Чужое всегда непостижимое. Будучи обретенным и познанным Своим (т. е. о-своенным), Чужое исчезает, растворяясь в Своем.

Как пишет В. Подорога, «Через наше Я проходит раздел мира на Внутреннее и Внешнее». Этот раздел – не столько территориально-пространственный, сколько раздел, обозначающий телесные, психологические, социальные и духовные границы «Я». Другой, таким образом, устанавливает пределы Своего, границы того, чем Свое обладает (Подорога 1995). Другой как способ присутствия Своего в мире: «Другой не есть ни объект в поле моего восприятия, ни субъект, меня воспринимающий, – это, прежде всего, структура поля восприятия, без которой поле это в целом не функционировало бы так, как оно это делает», «овозможняет» Свое и его бытие. При отсутствии Другого, не было бы необходимости в понимании и коммуникации (общении). Тогда Собственное, не осознав свою самость и свой предел, оставалось бы в абсолютном покое самодостаточности и непонимания себя и мира.

Внеинтерсубъектное понимание Чужого располагает его на краю Собственного. Жизненный мир традиционной центрирован преимущественно на Собственном., поэтому, истолкование мира в традиционном сознании оказывается, по выражению Р.М. Шукурова, «эгологией» – наукой о Собственном (Шукуров 1999). Традиционная наука заботилась о конструировании непротиворечивой картины Собственного, которое стремилось распространить себя на весь мир. В противовес этому, современное сознание озабочено проблемой формирования такого (осо) знания Чужого, которое бы не уничтожило его и оставило его «таковым, каково оно есть». Сейчас во многих отраслях исторической антропологии подход древней и средневековой ментальности к пониманию Чужого осмысливается как понимание к «Образу Чужого», который существует для того, чтобы не столько понять, сколько возможно полнее преодолеть Чуждость. Освоение как таковое не приводит к полному исчезновению Чужого. Поэтому каждый из компонентов Собственного, выступающий как субъект или часть какого-либо отношения, может быть истолкован как Другое и приводить к возникновению Другого: всякое соотнесение – это соотнесение с Другим и сотворение Другого – в том числе, в рамках Своего.

«Относительная природа Чужести», Чужость как «модализация собственного опыта» – во многом основные аспекты современной ксенологии. Относительно них выделяются базовые критерии, посредством которых люди разных эпох, и культур, то есть разных языков описывают и прочитывают себя и чужих людей, свою и чужую жизнь.

С. Прожогина (по Шукуров 1999), интерпретируя феномен «человека пограничья», «человека-на-границе», вовлеченного вольно или невольно во взаимопонимание, в том числе, в процессе прочтения текста, отмечает, что вся разрушительная энергия и отталкивающая сила межкультурной границы проявляется тогда, когда граница пролегла внутри индивидуального сознания, разделив его на

чуждые и враждебные зоны. Тоскующий по внутреннему единству человек на пути к собственной целостности либо решительно переходит эту границу, отрекшись от одной из соперничающих инокультурных и инородных компонент Собственного, либо пытается определить разъятое и бунтующее «Я» в виртуальном мире, упраздняя границу и искусственно объединяя гетерогенные части Собственного. «Третье место» жизни обладателя «сознания-на-границе» – подчас утопия: граница — динамична, она отбрасывает от себя вовнутрь или вовне.

К. Солер отмечает, что момент перехода, попытки пересечения границы, выхода из «трансферного запроса» (как «момента отторжения символического») включает три способа «практического разрешения выхода» (завершения) (Солер 1992):

(1) субъект удовлетворяется полученным пониманием как знанием, которое он рассматривает как разгадку своей позиции и уловок, ориентировавших до этого его отношения с другими, находя некоторую формулу истины, которая составляет основу его личности и отражает понимание мира и, в том числе, текста (*fin mot* становится *mot de la fin* (разгадка – словом конца),

(2) более остро ощущая тот факт, что истина может быть лишь полусказана, субъект отказывается от анализа, не стараясь более придать основание подъему своего упорства. «Баста» определяет выход «как бы взятый на измор», выход через признанное бессилие (отсутствие *mot* (последнего слова) ведет к *motus* (ни слова), а текст понимается «так как понимается», «ни больше и не меньше». «Так»-понимание самодостаточно и не требует пояснений.

(3) Он полагает найденным решение «испытанию бессилия» в невозможном. Происходит поворот от бессилия к невозможному – осознание и принятие выбора в ситуации невозможности выбора, необходимости понимания в ситуации его невозможности и т.д.. Автора нет, текст множественен, однако, субъекта надеется, что его сиюминутное постижение сущности текста и авторского замысла все же достаточно близко к пониманию, чтобы не оказаться полным провалом: «синица в руке» и есть тот «небесный журавль».

При этом, понимание текста и его автора как выходы через веру в истину, неполноту и невозможное неравноценны в смысле «исчерпания ресурсов символического» (способов формирования человеком смысла происходящего в его внутреннем и внешнем мирах):

♦ первый предполагает оправдание надежд, но пренебрежение и игнорирование тупиков, отказ от собственного усилия к пониманию, удовлетворенность «знанием»,

♦ во втором случае надежды не оправдываются, но субъект дорожит ими из-за бессилия (своего или другого),

♦ в третьем случае заключение невозможности иногда имеет эффект «выходящего за предел» отказа от понимания и изменения или к попыткам осуществления невозможного как невозможного (например, в процессе трансляции желания отстраненного или эмпатического понимания).

Возможности понимания текста и взаимопонимания – с автором, таким образом, осознаются, вместе с ограничениями, в третьем случае: метаязык отно-

сительности, со-бытия, предоставляет доступ к взаимопониманию. Особенно сложной оказывается «ответная активность автора»: осмысление читающим того, что автор намеревался ему сказать, каким он – представляет и переживает, понимает того, кто читает его текст. При всей неясности, эта конструкция весьма существенна: «глупый и пустой, бессмысленный текст» говорит, что автор не уважает читателя, также как и весь мир, «насыщенный текст» говорит что автор слишком увлечен «реальностью», в которой места собеседнику – немного, текст-диалог – удивляет и настораживает: самораскрытие и «рассекречивание» либо находят отклик в душе читающего, либо – побуждают бросить чтение «глупостей и бессмыслиц».

Во втором случае метаязык допущений, инобытия и превращений, ограничивает доступ к пониманию и взаимопониманию палитрой «невозможностей»: автора и читателя, а также – культурно-исторического, социотипического кода текста.

В первом случае – взаимопонимание полагается невозможным как таковое: есть лишь бесконечное возвращение автора и читателя к себе самим, попытки понять самого себя, раз невозможно понять иное. Метаязык «разгадок» полагает мир доступным пониманию как освоению.

Обнаруживаемые в актуальной ситуации жизненные ценности и смыслы являются наиболее значимым показателем сущности человека, его глубоко лежащего внутреннего направления, задающего особенности понимания человеком себя и мира, предпочтений в выборе метаязыков взаимопонимания. Понимание как единство факта и его оценки, требует «принятия возможности другого», предполагает ее пред-знание (subception). Понимание будущего задает смысл настоящего, представляет собой процесс (само)проектирования (process of becoming), опирающийся на опыт прошлого и его реконструкцию в актуальной ситуации взаимодействия: умение извлечь смысл и назидание возможно лишь тогда, когда читающий принял предложенный автором посыл. Если же посыл – «диалогической интенции», ее провокации автором, – в тексте не наблюдается, то прочтение текста оказывается столь маловероятным и негарантированным, что даже усилия понимания часто обречены на провал. Взаимопонимание как синтез пониманий – негарантированный опыт совместного бытия, их самопостроения и построения отношений между автором текста и его читателем. Однако, воля к смыслу и усилие понимания и взаимопонимания, повышают шансы быть понятым: хотя бы на уровне сиюминутного, попытка вхождения и пребывания в потоке, в интертекстуальных и затекстовых «лакунах» и слоях, в невыразимом и скрытом: намеренно или неосознанно, – от автора и его читателя.

Другой – не только строго обозначенный предел, ограничивший Собственное. Другой есть способ присутствия человека в мире, структура поля понимания, без которой поле не могло функционировать (Делез 1996: 85). Чтение вызывает трансформацию мира, означает новую структуру поля понимания, к которой человечество оказывается в разной мере готовым. Однако, выбор отказаться от изменений – не за человеком, а за жизнью. Изменения путей – топологии субъекта – вторая ситуация трансформации жизненного мира, наряду с изменением собеседника.

Если же речь о возможности встречи с «совершенно» Другим – из неведомого пока Другого мира, то трансформацию сознания, которую читатель переживает в связи с этим процессом, можно назвать катарсисом. Катарсис требует отказа от самовлюбленного представления о себе как много достигшего и понимающего, принятие позиции ученика, стремящегося впитать новую структуру поля, осмыслить ее силовые линии хотя бы так, как это позволяют познавательные ресурсы его прошлой, понятной жизни, а затем так, как этому научит его мир под названием Другой человек.

Отдает ли себе человек отчет или не отдает, но в книге он ищет Другого, а также того понимания себя и мира, которое этот другой может дать. Способность субъекта понимать и быть понимаемыми возможна лишь потому, что есть Другой: общение или коммуникации есть выход за пределы Себя, вне Своего к Другому, соединение Себя с Другим. Не будь Другого, не было бы понимания. понимание всегда есть взаимное или совместное понимание: понимание события события. Собственное, не осознав себя и свои границы, оставалось бы непроявленным, «покоящимся» в самодостаточности: так, как это описано в самых разных космологиях и мифологиях Абсолюта. Именно это- возвращение в «покой самобытия» и происходит тогда, когда та или иная часть Своего оказывается вне контакта с внешним или внутренним Другим, или, когда она приводит себя –туда – с той или иной целью, проходя через цепочку «воплощение – превращение-осуществление», от инобытия к событию и само-бытию.

«Я» развивает свое бытие, его границы, благодаря Другому, за счет него и – развивает в этом «за счет» бытие Другого. В понимании «Я» самого себя, как постулирует ксенологический (аллологический) подход, по сути, нет ничего, что изначально не было бы Другим, Чужим и даже Чуждым. Даже «поля понятий», способы их осмысления принимаются от Другого как некая данность, созданная Другим, воздействующим и принуждающим к их освоению (пониманию). Хотя – исследователи оставляют «лазейку» со-бытию: сотворчеству понятий и способов осмысления себя и мира в процессе взаимопонимания, они иногда еще более запутывают ситуацию: взаимопонимание в случае чтения, в отличие от общения «лицом к лицу», еще более затруднительно и парадоксально. Страх изменений, с которым человек неизбежно столкнется в начале своего чтения-путешествия, сменится их принятием, а позднее – сознанием своих возможностей и ограничений, направлений шествия по пути бесконечности смыслов, смысловых вселенных, скрытых и открытых в читаемых им текстах.

Чужое, автор и его текст, выступают как творцы «Я», вторгаются в Собственное, при этом возможности «Я» в его познании связаны с тем, что наличие Другого дает создает первичную оппозицию, «бинер» структурирования мира как пространства-времени Своего, доступного и находящегося во владении, и пространства-времени Чужого, недоступного и не находящегося во владении. Чужое осмысляется в этом контексте лишь по отношению к Своему: его доступность есть иллюзия – доступности непосредственно недоступного, поэтому – в начале взаимопонимания – опыт Чужого существует как опыт почти или полностью непреодолимого отсутствия (Гуссерль

1994). Таким образом, оно не поддается постижению Своим: попытки привести Чужое к высказыванию его Собственного смысла уничтожают Чужое как Чужое: язык Чужого не может быть понят как язык Своего, потому что сама идея языка – есть опыт Своего. Чужое — всегда непостижимое, которое, будучи обретенным и познанным Своим (о-своенным) исчезает в Своем (Ванденфельс, 1994). Вместе с тем, попытка понять Чужое как Чужое может столкнуться и с тем, что Чуждого нет: иллюзия Чуждости также распространена, как и иллюзия его непреодолимости. В диалоге, в процессе взаимопонимания, по мере формирования и развития «со-бытия», многочисленных превращений и возвратов в Свое, происходит ряд процессов. Столкнувшись с Иным, человек с большой вероятностью столкнется лишь – с самим собой. «Я, снова Я, и опять Я» – незатейливая тайна человеческих путешествий и превращений, хорошо видная в интертекстах: «До просветления я колосил дрова и носил воду, во время просветления я колосил дрова и носил воду, после просветления я колю дрова и ношу воду». Поэтому, понимая Чужое в исторической или диахронической перспективах, человек рассматривает опыт Чужого лишь как более или менее понятный вариант опыта Себя. Только так можно понимать что-либо: то, что ничего не значит для человека с точки зрения предшествующего или предвосхищаемого опыта, понято быть не может. При этом то, что понято, никогда не имеет однозначного смысла и завершенности: понятое есть результат финальной на данный момент в данном пространстве точки как части единого поля смыслового универсума (Подорога 1995). Само просветление описывается подчас как совокупность шагов, на каждой из которых человек все более глубоко и развернуто постигает свое единство с миром и – свою отделенность от него.

Понимание Чужого всегда есть истолкование его на своем, понятном человеку языке, независимо от того, насколько «свой» и «чужой» языки (способы понимания) совместимы. Процесс (ре)структурирования Другого как «(не)возможного» мира строится в соответствии с «полем (не)возможного», которым субъект обладает в тот или иной момент. Чуждость не может быть просто предписана вещи, событию и личности как таковым: Чуждость существует только в отношении к субъекту и в изменчивости ситуаций понимания (Ванденфельс 1994: с.84). Она может стать Своим в опыте превращения, ино-бытия, всегда частичном и временном, поскольку завершается возвращением к само-бытию. Понимание чего-либо как Другого/Чужого требует максимального уважения в понимаемом его самодостаточности по отношению к Собственному, к пониманию исследователя. Через признание самодостаточности и потенциального субъектного статуса Чужого возможна попытка войти с ним в диалог, в отношения о которых говорил М.Бахтин: «диалогическое проникновение в познаваемый смысл», «разговор» не только об объекте, но и с объектом (Бахтин 1979).

Традиционное понимание как, по сути, отказ от понимания, нацелено отнюдь не на постижение Чужого как автономного от Своего, но на преодоление Чуждости, ее присвоение, т. е. уничтожение, такое превращение, которое имело бы статус неизменного. Однако, будучи таким, Чужое исчезает, живя лишь в неуловимом событии со-бытия, в котором инобытия и самобытия субъектов танцуют вечный

танец жизни, каждый раз заново истолковывая мир разными способами. В чтении как путешествии духа, связанном с обретением Чужого, более совершенного, чем Собственное носит черты мистического, внутреннего, интерпретирующегося как обретение или наделением: либо как движение от Собственного человеческого к Чужому Божественному, либо от «Чуждого внутри Своего» к «Своему в Боге» . Автор как носитель нездешней для читателя (Чужой) души – странник, чужестранец в мире, который во многих ситуациях (пространствах и временах) считает чужое своим.

Чтению свойственна вллопластичность (alloplastic), осуществление развития за счет взаимодействия с Другими/Чужими, она существует в противоположность автопластичности (autoplastic), ищущей развития в собственных границах и ресурсах (Михайлов 1997; Magdalino 1993). При этом Другое может быть и выражением возможного более совершенного мира, приводящим в развитие Своего. Однако, обретение Чужого, как показывает опыт, далеко не всегда конструктивен: у «жизненного горизонта», несмотря на всю его изменчивость и «упругость», есть лимит трансформации, превышение которого оказывается фатально для нее. Некоторые книги читатель не может не только понять, но и – прочесть, некоторые авторы не только чужды, но – «антипатичны». Освоение не приводит к исчезновению Чужого. Чужое продолжает присутствовать в Собственном, воспроизводясь в бесчисленных отношениях и связях компонентов Собственного, каждый из которых также может быть истолкован как Другое. Само Собственное «перспективу инаковости»: располагающей свое по шкале от абсолютной Чуждости (непостижимой, невозможной и негативной, пугающей) до центрального Своего (понимание которого представляет его как максимально индивидуализированное, сложное, оправданное негативным чужим).

Осмысляя Чужое, включается механизм «делания понятным», «относительно чужим», в чужом, его вторжения в собственное, понимаются модификации, «модализации» собственного пути развития и/или опыта. Таким образом, человек опять – смотрит на себя – глазами автора. В этом понимании он может попытаться уничтожить – себя или автора, чтобы сделать их понятнее, однако, перед реальностью бесконечного в вариантах возможных «распаковок» смыслового континуума даже самого простого текста задача уничтожения теряет смысл (Налимов 1989). Агрессия как мера непонимания доступна лишь наивным. Попытки свести универсум к привычному обречены на провал и приведут к деградации. Когда граница пролегает внутри индивидуального сознания и расщепляет его на чуждые, враждебные зоны, тоскующий по единству человек на пути к целостности либо решительно переходит эту границу, отказываясь от одной из соперничающих инокультурных и инородных компонент Собственного, либо пытается согласовать разделенное «Я» внутри себя, упраздняя границу для объединения гетерогенных частей Собственного. Внутренний диалог Чужого и Своего говорит о том, что Свое – по сути также неуловимо и нереально, как и Чужое. Игра Чужого и Своего – лишь способ понять что-то о лежащей вне них Абсолютной реальности. Что-то – что позволяет, заявив о ее величии, понять «ничто»- жность того, что называется «Своим» и «Чужим», его

«нигде»-шность в Абсолютном, не имеющем начала и конца мире, его величие и центральность- существующие в этом мире «равновеликих» пространств и времен – обозначенных заключенным в слово смыслом. Однако, поскольку приобретение «чужого», как правило, ощутимо меняет нечто в «своем», то отдающая сторона как будто бы сама ничего не теряет и не претерпевает изменения. «Экстенсивное» («пространство» культуры) обменивается на «интенсивное» («новый» элемент культуры). Отношения между субъектами оформляются в том числе и за счет выделения различных по степени эксплицитности границ, в типы межсубъектных барьеров (латентных, дискурсивных, договорных, конфликтных и др.) и типы дискурсов – языковых правил и логик, а также нарративов – историй взаимодействия субъектов, включая данные барьеры и логики (Blakar 1979: 133, 158)

Смена рамки – контекста приводит к изменению значения ситуации, и рассматривается, подобно «выходу за пределы» наличного контекста, наличного мира. Это – один из механизмов понимания. По сути, сам по себе выход за пределы привычного мира в новое будет означать для человека изменение его понимания и, в какой-то мере, развитие умения человека «заслуживать собеседника».

Противоречивость ситуации общения человека с собой, текстом, другими заключается в «парадоксе взаимосвязанности», возникающем при попытках определения ее компонентов. Этот парадокс проявляется двояко: 1) каждый человек отделен от другого человека, однако, является частью другого, 2) субъект выступает как часть ситуации и, вместе с тем, как самостоятельный феномен. Как внутри каждого человека, так и вне – в опосредствованном или непосредственном, метаиндивидуальном взаимодействии человека с человеком как частиц целостности исследователь встречается со сложной и постоянно изменяющейся системой, изучение которой предполагает необходимость сопоставления результатов «феноменологического эпохе» в отношении различий объекта (предмета) и субъекта, субъекта и ситуации, в которой он действует, при котором «спрессованность смыслов» предстает как «нераспакованный (непроявленный) мир: семантический вакуум», который может быть «распакован» (осмыслен) бесконечным множеством способов – в зависимости от выбора человека. Т.е., сопоставления результатов их осмысления субъекта и объекта как континуально-динамической (семантической), но дискретной (семиотической), целостности, «распаковывающейся» в конкретной ситуации в процессе диалога человека с человеком, человека с миром на основе осмысления субъектами диалога вероятности той или иной структуры смыслов (Налимов 1989). Понимание может быть представлено как процесс порождения новых смысловых «фильтров», отвечающих новым ситуациям, задаваемым новыми текстами (выступающих в ситуации в качестве субъектов и объектов понимания). Это не только и не столько познавательный, сколько онтологический процесс: понимание смыслов – это всегда овладение смыслами, осуществляемое путем творческой «распаковки» исконно заложенного в мироздании. «Понимание – это приближение понимаемого текста к самому себе путем порождения фильтра понимания, приближающего чужой текст, чужую смысловую ориентацию к своей собственной.

Понимание – способность найти в чужом тексте свое, или, может быть серьезнее, – найти самого себя новым в чужом». Мир (и человек как его часть), по представлениям философов и психологов экзистенциально-гуманистической школы есть «онтологизированный текст» – текст, обладающий собственным бытием, т.е., воплощающий собственные смыслы, раскрытие которых происходит во взаимодействии компонентов текста друг с другом и во взаимодействии одного текста с другими, воплощающими те же или иные смыслы – разными или сходными способами. Я и другой, человек и его мир – две части одного целого, находящие друг в друге свое осуществление. В человеческом со-бытии как воплощении инобытия и самобытия, превращение и возвращение встречаются: в точке их пересечения возникает взаимопонимание: свое и Чужое становятся Своими. В ино-бытии и само-бытии Свое и Чужое расходятся, вступая в диалог со Своим Чужим и Чуждым Своим. Возникает величайшая иллюзия: понимания самого себя или другого, преодолеваемая еще более внешне иллюзорным мигом «события события».

Литература:

- Bahtin, Mihail M. *Jestetika slovesnogo tvorcestva*. M.:Iskusstvo, 1979 (Бахтин Михаил.М. *Эстетика словесного творчества*. М.:Искусство, 1979)
- Blakar, Rolv M. *Language as a Means of SocialPower: Theoretical-Empirical Explorations of Language and Language Use as Embedded in a Social Matrix* J.L.Mey (Ed.). – The Hague: Mouton, 1979: 131-169.
- Buber, Martin/ *Dva obraza very*. M.: Respublika, 1995(Бубер, Мартин. *Два образа веры*. М.: Республика, 1995)
- Waldenfels, Bernhard. *Svoja kul'tura i chuzhaja kul'tura. Paradoks nauki o «Chuzhom»*. *Logos*. 6 (1994): 77-94 (Вальденфельс, Бернхард. *Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом»*. *Логос*. 6 (1994): 77-94)
- Gusserl, Edmund. *Idei k chistoj fenomenologii*. M.: Labirint, 1994 (Гуссерль, Эдмунд. *Идеи к чистой феноменологии*.- М.: Лабиринт, 1994)
- Delez, Gilles. *Mishel' Turn'e i mir bez Drugogo. Kommentarii*. M.,SPb.: Nauka, 10 (1996): 85 (Делез, Жиль. *Мишель Турнье и мир без Другого. Комментарии*. М.,СПб.: Наука, 10 (1996): 85)
- Dridze Tatiana M. *Tekstovaja dejatel'nost' v strukture social'noj kommunikacii*. M.: Nauka, 1984. (Дридзе, Татьяна М. *Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации*. М.: Наука, 1984)
- Mihajlov Anatolii A., red. *O razbotkah problemy Chuzhogo v sovremennoj filosofskoj mysli. Ot Ja k Drugomu. Sbornik perevodov*. Minsk: Navuka, 1997: 34-36. (Михайлов, Анатолий А., ред. *О разработках проблемы Чужого в современной философской мысли. От Я к Другому. Сборник переводов*: под ред. Минск: Навука, 1997:34-36)
- Mol', Abrahaam. *Sociodinamika kul'tury*. M.: Progress, 1973: 5-15. (Моль, Абраам. *Социодинамика культуры*. М.: Прогресс, 1973: 5-15)
- Nalimov, Vasilii V. *Spontannost' soznaniya: Veroyatnostnaja teorija smyslov i smyslovaja arhitektonika lichnosti*. M.: “Prometej”, MGPI im. V.I. Lenina, 1989.(Налимов, Василий В. *Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности*. М.: «Прометей», МГПИ им. В.И. Ленина, 1989)
- Ortega-i-Gasset, José . *Izbrannye trudy*. M.: Ves' mir, 1997 (Ортега-и-Гассет, Хосе *Избранные труды*. М.: Весь мир, 1997)

- Podoroga, Valerii A. *Fenomenologija tela. Vvedenie v filosofskuju antropologiju*. M.: Admarginem, 1995: 30-145. (Подорога, Валерий А. *Феноменология тела. Введение в философскую антропологию*. М.: Admarginem, 1995: 30-145)
- Soler, Colette. Klinicheskie uroki perehoda. *Logos*. 3 (1992): 178-189. (Солер, Колет. Клинические уроки перехода. *Логос*. 3 (1992): 178-189)
- Uhtomskij, Alexei A. Ulovit' sodержanie i smysl bytija. *Psihologicheskij zhurnal*. 2,15 (1994): 137-152. (Ухтомский, Алексей А. *Уловить содержание и смысл бытия*. Психологический журнал. 2,15 (1994): 137-152)
- Uhtomskij, Alexei A. Ot dvojnika k sobesedniku. Uhtomskij Alexei A. Dominanta. – S.Pb.: Piter, 2002. – S. 335–391. (Ухтомский, Алексей А. *От двойника к собеседнику*. Ухтомский, Алексей А. Доминанта. – С.Пб.: Питер, 2002. – С. 335–391)
- Harash, Adolf U. Monolog i dialog. *Social'no-psihologicheskaja kompetentnost'*. Arpent'eva, Mariam R., red. i sost. Kaluga: KGU im. K. E. Ciolkovskogo, 2016 (Хараш Адольф У. Монолог и диалог. Арпентьева, Мариям Р., ред.-сост. *Социально-психологическая компетентность*. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2016)
- Shukurov Rustam M., red. Chuzhoe: opyt preodolenija. M.: Aleteja, 1999. (Шукуров Рустам М., ред. *Чужое: опыт преодоления*. М.: Алетея, 1999)
- Jaspers, Karl. Smysl i naznachenie istorii. M.: Politlit, 1991 (Ясперс, Карл. *Смысл и назначение истории*. М.: Политлит, 1991)
- Magdalino, Paul The History of the Future and its Uses: Prophecy, Policy and Propaganda. Bcaton, Roderick . and Roueche, Charlotte, ed. *The Making of Byzantine History. Studies Dedicated to D. M. Nicol on his Seventieth Birthday*. London, 1993: 3-34.

Arpentieva, M. R.
(Russia)

Xenological Approach in Psycholinguistics and Literary Studies: the Meta-languages of Understanding

Summary

Key words: xenology, allology, different, otherness, self-existence, co-existence, other-existence understanding, metalanguage.

This article analyzes xenological approach in psycholinguistic research: the analysis of the understanding possibilities and limitations, meta-languages understanding. Discusses the results and processes, paradoxes and mechanisms of interaction between man and the world, including in the reading context. Substantiates the idea that reading will require changes in the understanding of oneself and the world and assume this change will lead to the transformation of representations of the person, including the infinity of its own resources, time and space in his life. Main statements of the author's model of human

existence, uniting self-existence, Ino (other)-existence and co-existence of people and the world, it is noted that the widening and deepening of awareness of oneself and the world is associated with the development of these components and their harmonious interaction. It is concluded that the reading result for human consciousness will be the development of his self-awareness as a person, the selection is in itself the most important, humanity constituting aspects of the growth of respect for life and the world in General.

Another pushes its boundaries at the expense of "I", thanks to him. Moreover, the knowledge "I am" about Her there is nothing that initially there would be a Stranger. Even concepts and ways of dealing with them arises in communication with Others taken over or designed – existing as a reality created by Another before, or arising as a result of implementation of Your communication needs with Others.

Find out the current situation life values and meanings are the most important indicator of human nature, his deep-lying internal areas, defining a particular understanding of oneself and the world, preferences in the selection of the meta-languages of understanding. Understanding as a unity of fact and its assessment requires "acceptance of another", suggests her pre-knowledge. Understanding the future gives the sense of the present, is the process of (self -) designing, based on the experience of the past and its reconstruction in the current situation of the interaction: the ability to extract meaning and edification is possible only when the reader took the author's proposed message. If the message is "Dialogic intentions", its provocation by the author in the text not observed, the reading of the text is so unlikely and unwarranted, that even the efforts of the understanding are often doomed to failure. Understanding as a synthesis of understandings – unguaranteed experience of co-existence, their construction and build relations between the author of the text and its reader. However, the will to meaning and the effort of understanding and understanding, increases the chances to be understood: at least at the momentary level, try entering and staying in the flow, in the intertextual and Endnotes "the gaps and layers in the ineffable and hidden intentionally or unconsciously – from the author and his reader.

Do a person report or does not give, but in the book he's looking for Another, and also the understanding of ourselves and the world that this other can give. The ability of the subject to understand and be understood is only possible because there is Another: the communication or communications is going beyond Yourself, outside Your to the Other, connecting Themselves with the Other. Don't be Another, there would be no understanding. Understanding there is always a mutual or shared understanding: understanding of event co-existence. Own, not recognizing themselves and their boundaries, and would remain undeveloped, "at rest" in self-sufficiency: as described in various cosmologies and mythologies of the absolute. This is the return to the "peace of self-existence" and occurs when one or the other part of Your is out of contact with internal or external Others, or when she gets herself in and with a particular goal, passing through a chain of "incarnation – the transformation-the implementation of" from alien existence to the event and self-existence.

Trying to fathom how someone else can deal with the fact that the Alien is not: the illusion of Otherness is also common, as the illusion of its invincibility. In the dialogue, in the process of understanding, according to the formation and development of "co-ex-

istence”, many of the transformations and returns to His own, is a series of processes. Faced with Other people are likely to be faced only with yourself. Knowing someone else in the historical or diachronic perspectives, the person usually considers the experience of Another only as a more or less clear version of the experience Itself. The only way to understand anything: that means nothing to the person from the point of view of the previous or anticipated experience, understood can not be. That understood, never has a definite meaning and completeness: understood is the result of the final at the moment in a given space point as part of a unified field of meaning of the Universe.

There are three primary strategies for understanding themselves and the world. Understanding possible as “output” (the decision on the understanding) through belief in the truth, incompleteness and the impossible. These “outputs” unequal in the sense of “the exhaustion of symbolic resources” (ways of formation of the meaning of what is happening in his internal and external worlds). The first method involves the justification of hope for understanding, but neglecting and ignoring the dead ends, giving up their own efforts to understand the satisfaction of superficial “knowledge”. In the second case, the hope of the subject for understanding is not met, but the subject cares about them and understood that because of impotence (his or another) to understand the other and otherwise. In the third case the conclusion of the impossibility of understanding , and, especially , mutual understanding, has the effect of “beyond the limit” refusal of understanding and change, or the attempts the impossible as impossible (e.g. in the process of translation desire is suspended or empathic understanding).

მარია არპენტევა (რუსეთი)

ქსენოლოგიური მიდგომა ფსიქოლინგვისტიკასა და ლიტერატურათმცოდნეობაში: ურთიერთგაგების მეტაენები

რეზიუმე

საკვანძო სიტყვები: ქსენოლოგია, ალოლოგია, სხვადასხვა, განსხვავებული-ბა, თვითობა, თანაარსებობა, გაგება, მეტაენა.

სტატია ეძღვნება ქსენოლოგიური მიდგომის ანალიზს ფსიქო-ლინგვისტურ და ლიტერატურათმცოდნეობით კვლევებში: მკითხველისა და ავტორის ურთიერთგაგების სფეროში არსებული შესაძლებლობებისა და შეზღუდვების, აგრეთვე, ურთიერთგაგების მეტაენების ანალიზს. განხილულია კითხვისას ადამიანის ტექსტთან ურთიერთქმედების პროცესი და შედეგები, პარადოქსები და მექანიზმები როგორც ტექსტის აღქმისა და მის ავტორთან ურთიერთგაგების დამყარების საშუალება.

დასაბუთებულია, რომ ეს ურთიერთგაგება დაკავშირებულია მკითხველის მიერ საკუთარი თავისა და სამყაროს აღქმის ცვლილებასთან, რის საფუძველზეც გამოთქმულია ვარაუდი, რომ ამ ცვლილებებს მივყავართ ადამიანის წარმოდგენების ტრანსფორმაციამდე, მათ შორის, საკუთარი დროსა და სივრცის, პირადი რესურსებისა და შეზღუდვების მიმართ. გამოტანილია დასკვნა იმის შესახებ, რომ ურთიერთგაგების შედეგი არის საკუთარი თავის, როგორც ადამიანის, შეცნობის განვითარება, საკუთარ თავში ყველაზე მნიშვნელოვანი, მაკონსტიტუირებელი ადამიანურობის ასპექტების გამოყოფა, ცხოვრებისა და ზოგადად სამყაროსადმი პატივისცემის გაზრდა. თანამედროვე გამოკვლევათა ანალიზი საშუალებას გვაძლევს, გავარკვიოთ პრობლემის „სხვა – მე“ ზოგიერთი ასპექტი ფსიქოლინგვისტიკასა და ლიტერატურათმცოდნეობაში. კერძოდ: „სხვა“-ს მნიშვნელობა ინდივიდის, მკითხველის, ავტორის ყოფიერებისათვის, მისი პარიტეტულობისა და ტექსტის ავტორის მიერ „მე“-სთან მიმართებაში შექმნილი თანაბარი პოზიციის გაუთვალისწინებლობის შეუძლებლობა; ურთიერთქმედებებისა და ურთიერთგავლენების სირთულე. აგრეთვე ის, რომ მათ შორის ურთიერთგაგება გარანტირებული არ არის; თანაარსებობის დიალოგურობა და წიგნის კითხვა, როგორც ყოფიერებასთან თანაარსებობა, ტექსტების ტრანსდისკურსულობა ავტორთან და მკითხველთან მიმართებაში.